Е.В. Русина

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ СЕВЕРСКИХ КНЯЗЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV В.

Вторая половина XIV в. традиционно считается "темной эпохой" в истории Северской земли[1] — что вполне закономерно, если принять во внимание количество соответствующей информации в синхронных письменных источниках. Скудость и фрагментарность существующих данных объясняются, в первую очередь, нарушением летописной традиции в регионе, прерванной, очевидно, на рубеже XIII-XIV вв., и ослаблением политико-династических связей с теми восточнославянскими землями, где эта традиция сохранилась. В этих условиях единственным способом реконструкции общественно-политических процессов, протекавших на Северщине в указанный период, является анализ персоналий северских князей, спорадически упоминаемых в различных по характеру источниках. Последние, как правило, были введены в научный оборот еще в прошлом столетии; соответственно, и к данной проблематике не раз обращались историки (В.Б. Антонович, Р.В. Зотов, Ф.И. Леонтович, М.С. Грушевский, М.К. Любавский, А.М. Андрияшев, Ст. Кучиньский, Й. Пузына; в последнее время — Ф.М. Шабульдо, Б.Н. Флоря, М.Е. Бычкова и др.). Цель данной публикации составляет систематизация источниковых данных и их интерпретация с учетом существующей историографической традиции.

Принципиальным моментом в истории Северской земли XIV ст. стала ее инкорпорация Великим княжеством Литовским (далее — ВКЛ), которую, как правило, относят к 1360-м годам. Основанием для такой датировки служат летописные свидетельства и актовый материал 70-80-х гг. XIV в., из которых следует, что на Северщине тогда уже правили князья Гедиминовичи.

Несомненно, успеху литовской экспансии в этом регионе во многом содействовала "замятня велика" в Орде — феодальные междоусобия 1360-1370-х гг., начало которым положила гибель хана Бирдибека (1359 г.), последнего представителя местной династии, восходящей к Батыю. С 1359 по 1361 г. в Сарае сменилось 7 ханов, а в 1362 г. в результате действий Беклярибека Мамая произошел раскол орды на две враждующие части, границей между которыми стала Волга. Последующие два десятилетия, вплоть до прихода к власти Тохтамыша (1380 г.), были заполнены напряженной борьбой между сарайскими правителями и марионеточными ханами Волжского Правобережья[2].

Эти события не могли не сказаться на внешнеполитической активности Орды — единственной реальной силы, способной противостоять экспансии Литвы на земли Юго-Западной Руси. В то же время не следует, очевидно, преувеличивать масштабы ослабления Орды: Мамай — фактический правитель ее правобережной части — в 60-70-е гг. XIV в. смог удержать под своей властью обширные пространства между Волгой и Днепром, подавив сепаратистские выступления крупных феодалов своего улуса. Соответственно, и отношения между Правобережной Ордой и Литвой строились в это время, по-видимому, не на принципах военного противоборства, а на договорной основе, что и позволило правителям Литвы, несмотря на мощное давление извне — со стороны немецких рыцарей, распространить свой политический контроль на Киевщину и Северщину. Возможность достижения такого соглашения была вполне реальной в середине 1360-х гг., когда наметилось сближение Литвы и Орды в политико-дипломатической сфере[3]. Как следствие, литовский сюзеренитет над Юго-Западной Русью вплоть до 90-х гг. XIV в. был ограниченным: сохранялась ее данническая зависимость от Орды. Соответственно, не случайным видится и сохранение во второй половине XIV в. фискально-административных единиц "татарского" периода ("тьмы" Брянская, Стародубская, Черниговская, Новгород-Северская[4]) в виде династических уделов князей — Гедиминовичей.

Наиболее полно представлен в источниках брянский удел. Он известен как владение Дмитрия Ольгердовича — старшего, упомянутого в качестве брянского князя в перемирной грамоте Ольгерда с великим князем московским Дмитрием Ивановичем (1372 г.)[5], а также в памятниках Куликовского цикла — пространной летописной повести "о том, князь великий како бился с Ордою" и "Сказании о Мамаевом побоище"[6].

По сведениям двух последних источников, в 1380 г. Дмитрий Ольгердович Брянский пришел "поклониться и послужити" Дмитрию Ивановичу, приняв участие в Куликовском сражении. Известно и то, что спустя восемь лет он оставил московскую службу и возвратился в Литву, присягнув на верность королю Владиславу-Ягайлу и королеве Ядвиге[7]; в 1399 г. он погиб в битве на Воркле[8].

Отметим, что Дмитрий Ольгердович выступает в источниках не только как брянский, но и как трубчевский князь. Так, существует летописное известие о том, что зимой 1379/80 гг. Дмитрий Иванович направил князей Владимира Андреевича Серпуховского, Андрея Ольгердовича Полоцкого и Дмитрия Михайловича Боброка-

[1] Понятие "Северская земля" на протяжении XIV-XVIII вв. охватывало бассейн средней и нижней Десны, Посеймье и нижнее Посожье. Северскими, в частности, считались Брянск, Гомель, Дроков, Курск, Мглин, Моровск, Новгород-Северский, Почеп, Путивль, Радогошь, Рыльск, Стародуб, Трубчевск, Чернигов.

[2] Подробнее см.: *Егоров В.Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С.181-191.

[3] *Kuczyński S.M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936. S.198; *Флоря Б.Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. С.151-152; *Шабульдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С.104-106.

[4] АЗР. СПб., 1848. Т.2. № 6. С.4-5; *Петрунь Ф.* Ханьскі ярлики на українські землі: До питання про татарську Україну // Східний світ. 1928. № 2. С.170-187.

[5] ДДГ. М.;Л., 1950. № 6. С.22.

[6] Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С.17, 36.

[7] *Розов В.* Українські грамоти. Київ, 1928. Т.1: XIV в. і перша половина XV в. С.42-44. № 23.

[8] Софийская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1851. Т.5. С.251.

E.V. Rusina

THE PERSONAL COMPOSITION OF THE SEVERSK KNIAZES IN THE SECOND HALF OF THE 18th C.

Traditionally, the second half of the 14th c. is viewed as a "dark epoch" in the history of the Seversk lands[1] and this is to be expected if we take into account the information that has come down to us through the written sources of that period. It is scant and fragmentary, the reason for this being, first of all, a break in the tradition of writing chronicles in that region which occurred, most probably, at the turn of the 13th-14th cc. and, secondly, a weakening of the political and dynastic ties with those east Slavonian lands where these traditions were continued. In these conditions, the only way to reconstruct the socio-political processes that developed in the Seversk lands in the period under discussion is to analyse the personal composition of the Seversk kniazes mentioned sporadically in various sources of the period. Sources came into scientific usage mostly in the 19th c. and thus, were referred to by many historians (V.B. Antonovich, R.V. Zotov, F.I. Leontovich, M.S. Grushevskiy, M.K.Lyubavskiy, A.M. Andriyashev, St.Kuczynski, J.Pusyna, and recently — F.M. Shabuldo, B.N. Florya, M.E. Bychkova et al.). The objective set by this paper is the systematisation of the source data and the interpretation of it in terms of the existing historiographic traditions.

One of the most important events in the history of the Seversk lands in the 14th c was their incorporation into the Grand Kniazdom of Lithuania (hereafter GKL), which took place somewhere in the 1360s. Chronicles and acts of the 1370s-1380s testify to this and inform us that the Gediminovich kniazes had already come to power there by that time.

Undoubtedly, the successes of the Lithuanian expansion in this region were, to a great extent, due to "a great confusion" in the Orda, i.e. feudal internecine wars of the 1360s-1370s which started with the death of khan Birdibek (1359), the last representative of the local dynasty that began with Batiy. The period between 1359 and 1361 witnessed a change of 7 khans in Sarai, and in 1362 as a result of the actions of Mamai, a pro-Bekliaribek, the Orda split into two warring parts, the border between them being the Volga. The two decades that followed, until Tokhtamysh came to power, were decades of intense struggle between the rulers in Sarai and the puppet khans on the right bank of the Volga[2].

Most certainly, these events influenced the external policy of the Orda which was the only real power that could withstand the expansion of Lithuania in South-West Rus. It would not be correct, however, to exaggerate the extent of the Orda's weakening: Mamai, the ruler of the territory along the right bank, could in the 1360s-1370s still hold the vast expanses between the Volga and the Dnieper, suppressing the separatist forays of the more powerful feudals of his khanate. Correspondingly, the relations between the Orda of the right bank and Lithuania were built up, to all appearances, not on military conflicts, but on the basis of treaties. It is this fact that made it possible for the Lithuanian rulers, in spite of strong pressure from the German knights, to extend their political control over the Kiev and the Seversk lands. In the middle of the 1360s, there was a possibility of achieving such a treaty, and it brought closer Lithuania and the Orda in the political and diplomatic sphere[3]. The result was that the sovereignty of Lithuania over South-West Rus was limited till the 1390s: the only thing that remained was that it still lay under tribute to the Orda. Consequently, it is not accidental that the fiscal and administrative divisions of the "Tatar period still remained in the second half of the 14th c. (called "tma" of Briansk, Starodub, Chernigov, Novgorod-Severskiy[4] as dynastic apanages of the kniazes Gediminovich.

The Briansk apanage is the richest in sources. We know that it belonged to Dmitriy Olgerdovich, the eldest mentioned as a Briansk kniaze in the peace treaty of Olgerd with the grand kniaze of Moscow Dmitriy Ivanovich (1372)[5]. It is also mentioned in the monuments connected with Kulikovo — in a verbose account from a chronicle "about how the grand kniaze fought with the Orda" and the "Skazaniye o Mamayevom Poboishche" (Story about the Mamaev Carnage)[6].

According to the last two sources, in 1380, Dmitriy Olgerdovich Brianskiy came to Dmitriy Ivanovich "to bow to him and to serve him" and took part in the Kulikovo battle. We also know that eight years later he left service in Moscow and returned to Lithuania where he pledged loyalty to king Vladislav-Yagailo and queen Yadviga[7]; in 1399 he died in the battle on the Vorskla[8].

In the sources Dmitriy Olgerdovich is named not only as kniaze of Briansk, but also of Trubchevsk. There is mention in the chronicle that in the winter of 1379/80 Dmitriy Ivanovich sent kniazes Vladimir Andreyevich Serpukhovskiy, Andrey Olgerdovich Polotskiy and Dmitriy Mikhailovich Bobrok-Volynskiy "to conquer the Lithuanian

[1] The term "Seversk lands" in the 14th-18th cc. included the middle and the lower reaches of the Desna, the lands along the river Seim and the lower reaches of the Sozh; Briansk, Gomel, Drokov, Kursk, Mglin, Morovsk, Novgorod-Severskiy, Pochep, Putivl, Radogoshch, Rylsk, Starodub, Trubchevsk, Chernigov were considered as belonging to the Seversk lands.

[2] For more detail see: *Egorov V.L.* Zolotaya Orda pered Kulikovskoy bitvoy // Kulikovskaya bitva. M., 1980. P.181-191.

[3] *Kuczyński S.M.* Zieñe czernihowsko-siewerskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936. P.198; *Florya B.N.* Litva i Rus pered bitvoy na Kulikovom pole // Kulikovskaya bitva. P.151-152; *Shabuldo F.M.* Zemli Yugo-Zapadnoy Rusi v Sostave Velikogo kniazhestva Litovskogo. Kiev. 1987. P.104-106.

[4] AZR. St.P-g, 1848. Vol.2. No.6. P.4-5; *Petrun F.* Khanski yarlyki na ukrainski zemli: Do pitannya pro tatarsku Ukrainu // Skhidniy svit. 1928. No.2. P.170-187.

[5] DDG. M.;L., 1950. No.6. P.22.

[6] Skazania i povesti o Kulikovskoy bitve. L., 1982. P.17, 36.

[7] *Rozov V.* Ukrainski gramoty. Kiev, 1928. Vol.1: XIV v. i persha polovina XV v. P.42-44. No.23.

[8] Sofiyskaya pervaya letopis // PSRL. St.P-g, 1851. Vol.5. P.251.

Волынского "литовьскыя городы и волости воевати. Они же снедшеся взяша город Трубческы и Стародуб и ины многы страны и волости и села тяжко плениша... Князь Трубческыи Дмтрии Олгердовичь не стал на бои, ни поднял рукы противу князя великого и не биася, но выиде из града с княгинею своею и з детми и с бояры своими и приеха на Москву в ряд к князю великому Дмитреию Ивановичю, бив челом и рядися у него. Князь же великии прия его с честию великою и со многою любовию и дасть ему град Переяславль и со всеми его пошлинами"[9].

Следует подчеркнуть, что это летописное известие внешне не соответствует политической обстановке рубежа 70-80-х гг. XIV в. (еще польский историк Г. Пашкевич справедливо отметил, что обострение отношений с Литвой было не в интересах Дмитрия Ивановича, готовившегося к решительному столкновению с Ордой[10]), находится в прямом противоречии с изложением последующих событий в ряде летописных сводов XV-XVI вв. Так, например, в своде 1479 г. после известия о переходе Дмитрия Трубчевского на московскую службу сообщается, что в августе 1380 г. в Коломну, к Дмитрию Ивановичу, готовящемуся к выступлению против Мамая, "приспеша... князи литовьстии Олгердовичи, князь Андреи Полотьскыи с псковичи и брат его князь Дмитреи Дьбряньскыи с силою дьбряньскою, приехаша бо тогда служити великому князю Дмитрею Ивановичю"[11]; по Никоновской летописи, Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский присоединились к Дмитрию Ивановичу у Березуя, "за двадесят и три поприща до Дону"[12]. Истоки отмеченного противоречия коренятся в компилятивности летописных источников, в составе которых находятся позднейшие литературные произведения — пространная летописная повесть о Куликовской битве (Московский свод 1479 г., летописи Ермолинская, Воскресенская и др.; в Софийской первой и Новгородской четвертой летописях, содержащих первоначальный текст повести, упоминается, по наблюдению Б.Н. Флори[13], не "дьбряньская сила", а "Дмитрий Бряньский с всеми своими мужи") и "Сказание о Мамаевом побоище" (в редакции митрополита Даниила — Никоновский свод). Оба этих памятника отличает ряд анахронизмов — и в их числе упоминание Дмитрия Ольгердовича как владетеля Брянска, когда он уже перешел на службу к великому князю московскому. Это обстоятельство, не всегда учитываемое исследователями, породило ряд смелых гипотез. Так, С. Кучиньский, развивая предположение Л. Колянковского, прокламировал, что поход московской рати на Трубчевск и Стародуб состоялся не зимой 1379/80 гг., а годом позже; московские войска были разбиты Ягайлом, не успевшим, как известно, вовремя соединиться с Мамаем (отсюда — известие прусских хронистов о разгроме московских отрядов литовцами после Куликовской битвы); Дмитрий Брянский, лишенный удела Ягайлом, был вынужден искать прибежища в Москве[14]. К такому пониманию событий близок и Ф.М. Шабульдо: "политический приверженец Москвы в Великом княжестве Литовском" Дмитрий Ольгердович Брянский зимой 1379/80 гг. договором — "рядом" с Дмитрием Ивановичем оформил "выход Чернигово-Северского княжества из состава Великого княжества Литовского и присоединение его к возглавляемой Москвой союзно-вассальной коалиции княжеств Руси"; "в отсутствие Дмитрия Ольгердовича, присоединившегося вместе с дружиной к войскам Дмитрия Донского и участвовавшего в Куликовской битве, Ягайло снова завладел его уделом. В качестве компенсации за утраченные владения Дмитрий Ольгердович получил в держание от московского великого князя Переяславль-Залесский"[15]; таким образом, известие о походе 1379/80 гг. интерпретировано как контаминация — смешение двух разновременных событий.

Из летописного сообщения следует, что к 1379 г. Дмитрий Ольгердович уже утратил Брянск и находился в Трубчевске, хотя остается неясным, составлял ли Трубчевск изначально часть его удела[16] либо представлял собой самостоятельный удел, полученный Дмитрием после утраты им Брянска. В пользу последнего предположения говорит то обстоятельство, что в белорусско-литовских летописях Трубчевск фигурирует в качестве особого удела, переданного Ольгердом, по сообщению хроники Быховца, сыну Андрею[17].

В Евреиновской летописи Трубчевск ошибочно назван уделом Семена-Лингвеня[18], что связано с дефектностью находящегося в ее составе перечня Орльгердовых сыновей. В действительности уделом Семена-Лингвеня был Мстиславль, полученный им после гибели Коригайла Ольгердовича (1390 г.) и впоследствии унаследованный его сыновьями Юрием и Ярославом.

Андрей Ольгердович мог владеть Трубчевском наряду с Полоцком; если так, тогда, возможно, не случайно зимой 1379/80 гг. Трубчевск стал объектом военной акции, осуществленной при активном участии Андрея Ольгердовича: известны шаги, предпринимавшиеся этим князем для возвращения принадлежавших ему некогда земель[19].

В источниках нет указаний на то, когда и в силу каких обстоятельств Дмитрий Ольгердович был перемещен из Брянска в Трубчевск. Известно лишь, что впоследствии Трубчевск, оставленный Дмитрием в 1379/80 гг., был включен в состав владений другого сына Ольгерда — Дмитрия-Корибута, свидетельством чему — наличие "трубецьского воевды" среди поручителей этого князя в апреле 1382 г.[20]

По возвращении в ВКЛ (ок. 1388 г.) Дмитрию Ольгердовичу — старшему, возможно, удалось на какое-то время возвратить себе Трубчевск — по крайней мере, за его потомками утвердился титул "Трубецкие"[21]. Правда, сам Дмитрий Ольгердович в сообщении о его гибели в битве на Ворскле титулуется "Дьбрянским" — но, скорее всего, не потому, что ему в это время был передан Брянск, а только в силу традиции — подобно погибшему в этой же битве Андрею Ольгердовичу, именовавшемуся "Полоцким" спустя двенадцать лет после окончательной утраты им Полоцка[22].

Характерно, что наряду с Дмитрием Брянским по летописным сообщениям, относящимся к последней четверти XIV — началу XV в., известен другой князь с этим же титулом — Роман Михайлович, идентификация которого достаточно проблематична. Впервые "Роман Михаилович Бряньскыи" упоминается среди "князей Русстиих", принявших участие в походе на

9 Рогожский летописец // ПСРЛ. Пг., 1922. Т.15. Вып.1. Стб.138.

10 *Paszkiewicz H.* Jagiellonowie a Moskwa. Warszawa, 1933. T.1: Litwa a Moskwa w XIII i XIX wieku. S.437.

11 Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.;Л., 1949. Т.25. С.200-202.

12 Патриаршая или Никоновская летопись// ПСРЛ. М., 1965. Т.II. С.45, 55.

13 *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С.165.

14 *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.154-156, 204-295.

15 *Шабульдо Ф.М.* Указ. соч. С.115, 129.

16 Ср.: *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892. С.45; *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С.151-152.

17 Хроника Быховца // ПСРЛ. М., 1975. Т.32. С.141.

18 Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. М., 1980. Т.35. С.223.

19 *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.159.

20 *Розов В.* Указ. соч. С.38. № 20.

21 ВОИДР. Кн. X. С.82, 138, 223; Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. СПБ., 1856. Т.7. С.255.

22 *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.163-164.

23 Рогожский летописец // ПСРЛ. Пг., 1922. Т.15. Вып.1. Стб.110-111.

24 Ср.: *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.153, 169.

25 Летописный сборник, именуемый Тверской летописью // ПСРЛ. СПб., 1863. Т.15. Стб.471.

26 *Зотов Р.В.* Указ. соч. С.26-27.

27 Об этой гипотезе, предложенной Й. Пузыной, см.: *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.152.

28 Рогожский летописец // ПСРЛ. Пг., 1922. Т.15. Вып.1. Стб.92.

towns and provinces. On coming together they took the towns of Trubchevsk and Starodub and many more regions and provinces were occupied...Kniaze Dmitriy Olgerdovich of Trubchevsk did not repel the attack,did not raise his hand against the grand kniaze, he left the town together with his kniahine and his children and his boyars and came to Moscow to grand kniaze Dmitriy Ivanovich and asked him to let him serve him. The grand kniaze received him with honour and great love and gave him the town of Pereyaslavl with all its taxes as income[9]".

It should be noted that the information in this chronicle politically does not correspond to the situation in the 1370s-1380s — the Polish historian G. Paszkiewicz aptly remarked that the aggravation of antagonisms with Lithuania was not in the interests of Dmitriy Ivanovich who was seriously preparing to attack the Orda[10]. This fact is contrary to what is said in a number of codes of chronicles of the 15th-16th cc. Thus, the code of 1479, after informing us that Dmitriy Trubchevskiy went over to serve the Moscow kniaze, tells us that in August 1380, when Dmitriy Ivanovich was getting ready to launch his campaign against Mamai, "the Lithuanian kniazes Olgerdoviches hurried to him, as did kniaze Andrey Polotskiy with the people of Pskov and his brother kniaze Dmitriy Dobrianskiy with the armed forces, who came to serve grand kniaze Dmitriy Ivanovich"[11] ; according to the Nikonovskiy chronicle, Andrey Polotskiy and Dmitriy Briansky joined Dmitriy Ivanovich near Berezuy, "twenty-three 'poprishcha' away from the Don"[12]. The roots of these contradictions can be traced to the fact that chronicle sources are all compilations and literary works of later periods are included into them — the verbose story in the chronicles about the Kulikovo Battle (Moscow code of 1479, the Ermolinskiy, Voskresenskiy et al. chronicles; in the Sofiyskiy First and Novgorod Fourth chronicles that contain the original text of the story we find mention of, as B.N. Florya noted[13], not the Dobrianskiy forces, but Dmitriy Brianskiy with all his men") and the "Story about the Mamaev Carnage" (edited by metropolitan Daniil — the Nikonovskiy code). Both these monuments contain a whole row of anachronisms, among which is the mention of Dmitriy Olgerdovich as the possessor of Briansk, when he was already in the service of the grand kniaze of Moscow. This circumstance, not always taken into account by investigators, gave birth to a number of daring hypotheses. Thus, S. Kuczynski, developing the supposition put forth by L. Kolyankovskiy, proclaimed that the campaign of the Moscow army against Trubchevsk and Starodub did not take place in the winter of 1379/80, but a year later; the Moscow troops were defeated by Yagailo, who did not manage, due to lack of time, to join forces with Mamai (thus was born the information given by the Prussian chronicles concerning the defeat of the Moscow detachments by the Lithuanians after the Kulikovo battle); Dmitriy Brianskiy, who was deprived of his apanage by Yagailo, was forced to seek refuge in Moscow[14]. F.M. Shabuldo comes quite close to him in his interpretation of these events: "being the supporter of Moscow in its policy towards the Grand Kniazdom of Lithuania" Dmitriy Olgerdovich Brianskiy in the winter of 1379/80 agreed "together" with Dmitriy Ivanovich to register officially "the secession of the Chernigov-Seversk Kniazdom from the Grand Kniazdom of Lithuania and include it into the united vassal coalition of the kniazdoms of Rus headed by Moscow"; "in the absence of Dmitriy Olgerdovich, who together with his body-guards joined the army of Dmitriy Donskoy and took part in the Kulikovo battle, Yagailo again took possession of his apanage. As compensation for his lost possessions Dmitriy Olgerdovich received Pereyaslavl-Zalesskiy from the grand kniaze of Moscow"[15] ; thus the information concerning the campaign of 1379/80 is interpreted as a contamination, i.e. the confusion of two events happening in different periods.

The chronicle informs us that by 1379 Dmitriy Olgerdovich had already lost Briansk and was in Trubchevsk, though it is not clear whether Trubchevsk was part of his apanage[16] or was it an independent apanage granted to him after he had lost Briansk. The following circumstances speak in favour of the latter, i.e. in the Byelorussian and Lithuanian chronicles Trubchevsk figures as a separate apanage granted by Olgerd (as the Bykhovets chronicle states) to his son Andrey[17].

The Evreinovskiy chronicle erroneously called Trubchevsk the apanage of Semen-Lingven[18] , which can be explained by the defects in the enumeration of Olgerd's sons. In reality Semen-Lingven's apanage was Mstislavl, which he received after the death of Korigailo Olgerdovich /1390/, and which, later, was inherited by his sons Yuriy and Yaroslav.

Andrey Olgerdovich could have owned Trubchevsk and Polotsk as well; if so, then it is not accidental that in the winter of 1379/80 Trubchevsk became the target of aggression in which Andrey Olgerdovich played a conspicuous role: we know of the measures taken by him to restore the lost territory[19].

The sources do not say when and under what circumstances Dmitriy Olgerdovich was transferred from Briansk to Trubchevsk. It is known, however, that later Trubchevsk, on being left by Dmitriy in 1379/80, was included into the possessions of Olgerd's other son — Dmitriy-Koribut, a fact witnessed by the presence of a "Trubetskiy voyevod" among the warranters of this kniaze in April 1388[20].

On returning to the GKL (c.1388) Dmitriy Olgerdovich senior, probably managed to get Trubchevsk back, for a time at least. Anyway, the title "Trubetskiy" passed on to his descendants [21]. Actually, Dmitriy Olgerdovich is titled as "Dobrianskiy" when we read of his death on the Vorskla. We think it was not because Briansk was handed over to him at that time, but owing to tradition, just as Andrey Olgerdovich, who was killed in the same battle, was titled "Polotskiy", though he had lost Polotsk twenty years prior to his death[22].

We know from chronicles of the last quarter of the 14th-beginning of the 15th cc. of another kniaze who had the same title of "Briansky" — Roman Mikhailovich, the identification of whom is quite problematic. Roman Mikhailovich Brianskiy is first mentioned among other "kniazes Russtiikh" who took part in the campaign against Tver in 1375 —

[9] Rogozhskiy letopisets // PSRL. Pg., 1922. Vol.15. No.1. Col.138.

[10] *Paszkiewicz H.* Jagiellonowie a Moskwa. Warszawa, 1933. T.1: Litwa a Moskwa w XIII i XIV wieku. S.437.

[11] Moskovskiy letopisniy svod kontsa XV veka // PSRL. M.:L., 1949. Vol.25. P.200-202.

[12] Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis // PSRL. M., 1965. Vol.II. P.45, 55.

[13] *Florya B.N.* Ibid. P.165.

[14] *Kuczyński S.M.* Op.cit. S.154-156, 204-205.

[15] *Shabuldo F.M.* Ibid. P.115, 129.

[16] Cf.: *Lyubavskiy M.K.* Oblastnoye deleniye i mestnoye upravleniye Litovsko-Russkogo gosudarstva ko vremeni izdaniya pervogo Litovskogo statuta. M., 1892. P.45; *Zotov R.V.* O chernigovskikh kniazyakh po Lyubetskomu sinodiku i o Chernigovskom kniazhestve v tatarskoye vremya. St.P-g, 1892. P.151-152.

[17] Khronika Bykhovtsa // PSRL. M., 1975. Vol.32. P.141.

[18] Letopisi belorussko-litovskiye // PSRL. M., 1980. Vol.35. P.223

[19] *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.159.

[20] *Rozov V.* Ibid. P.38. No.20.

[21] VOIDR. Book X. P.82, 138, 223; Letopis po Voskresenskomu spisku // PSRL. St.P-g, 1856. Vol.7. P.255.

[22] *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.163-164.

[23] Rogozhskiy letopisets // PSRL. Pg., 1922. Vol.15. Ed.1. Col.110-111.

[24] Cf.: *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.153, 169.

[25] Letopisniy sbornik, imenuemiy Tverskoy letopisyu // PSRL. St.P-g, 1863. Vol.15. Col.471.

[26] *Zotov R.V.* Ibid. P.26-27.

[27] About this hypothesis put forth by J.Pusyna, see: *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.152.

[28] Rogozhskiy letopisets // PSRL. Pg., 1922. Vol.15. Ed.1. Col.92.

Тверь в 1375 г. — "кождо иот своих градов с своими плкы"[23]; таким образом, в это время он не был брянским князем номинально[24]. Соответственно, утверждение в Брянске Романа произошло между 1372 и 1375 гг. — как уже отмечалось, в договоре Ольгерда с Дмитрием Ивановичем (1372 г.) еще значится "княз Дмитрии Бряньскии".

В 1401 г. Роман Михайлович погиб в Смоленске. Извещая о его гибели великого князя московского Василия Дмитриевича, Витовт в своем послании (сохранившемся в передаче тверского летописца) называет его "братом мне и тобе князем великим Романом Черниговским"[25] — так же, как титулует его Любецкий синодик, где поминается "вел[икий] князь Роман Михайлович Чер[ниговский], убыенный от князя Юрия Смоленского"[26]. Из общей тональности этих упоминаний, как и из летописного рассказа о событиях 1375 г., следует, что Роман Михайлович не принадлежал к Гедиминову роду[27], а был представителем какой-то из местных династий (скорее всего, Ольговичей); он мог владеть Черниговом вплоть до начала 70-х гг. XIV в.: в договоре 1372 г. "в имени" Дмитрия Ивановича упомянут "княз великии Роман" — по-видимому, Роман Михайлович, к этому времени уже вытесненный Ольгердом из Чернигова и получивший поддержку при дворе великого князя московского. Не исключено, что Брянск, вовлеченный в политическую борьбу между Москвой и Литвой (еще в 1370 г. московский князь "посылал воевать Брянска"[28]), был передан Роману Михайловичу в результате соглашения между Дмитрием Ивановичем и Ольгердом (при этом Дмитрий Ольгердович был перемещен из Брянска в Трубчевск)[29]. Тогда вполне закономерно, что воскняжившийся в Брянске при поддержке Дмитрия Ивановича Роман сохранял и в дальнейшем свою промосковскую ориентацию, о чем свидетельствует его участие в "Тверской войне" 1375 г., а также отсутствие упоминаний о военных столкновениях в районе Брянска зимой 1379/80 гг. — хотя московские войска, посланные на "литовьскыя городы", вряд ли могли миновать его, двигаясь по направлению к Трубчевску и Стародубу.

По-видимому, Роман Михайлович оставался брянским князем вплоть до своей гибели в 1401 г. Правда, до настоящего времени большинство исследователей, основываясь на сообщениях Новгородской первой, Новгородской четвертой, Софийской первой, Воскресенской, Никоновской и других летописей[30], склонялись к мысли о том, что в этот период Роман, утративший Брянск, был только "наместником Витовтовым" в Смоленске. Но, несомненно, в данном случае большего доверия заслуживают сообщения белорусско-литовских летописей краткой редакции, сложившейся в Смоленске и относящейся к середине XV в. Согласно летописям Слуцкой и Супрасльской, Роман Михайлович находился в Смоленске, когда в городе вспыхнул "метежь", в ходе которого он был убит наряду (!) с наместниками Витовта и боярами — противниками Юрия Святославича Смоленского[31].

После смерти Романа Михайловича Брянск был передан Ягайлом Свидригайлу, державшему город вплоть до выезда из ВКЛ на службу к великому князю московскому (1408 г.)[32].

В литературе указывалось на существование, помимо Дмитрия Ольгердовича и Романа Михайловича, еще двух брянских князей последней трети XIV в. — Семена и Глеба[33]. Относительно первого, погибшего в Твери в 1375 г., необходимо заметить, что лишь один из источников — Русский хронограф — называет его "Семеном Брянским"; в Московской Академической, Рогожской, Новгородской четвертой, Софийской первой и других летописях он фигурирует как "Семен Иванович Добрыньский"[34]; по всей вероятности, это был брат Константина Ивановича Добрынского, жившего во второй половине XIV в. и давшего начало видному боярскому роду[35].

Что же касается "Глеба Бряньского", то этот князь упоминается лишь в "Сказании о Мамаевом побоище" — причем в ряде редакций он именуется "Друческим" и "Каргополским"[36]. Издателями этого памятника было высказано предположение, что имя "Глеб" появилось в тексте "Сказания" в результате ошибки, и речь в данном случае идет о Романе Брянском, названном в одном из списков Новгородской четвертой летописи в числе воевод засадного полка[37], что вполне согласуется с внешнеполитическим курсом этого князя.

На фоне сравнительно многочисленных упоминаний о брянских князьях имеющиеся в нашем распоряжении данные о черниговских князьях конца XIV в. более чем скудны. Единственным определенным свидетельством о владельческой принадлежности города в этот период служит указание Евреиновской летописи (из нее перешедшее в хронику Быховца) на "Чернигов и Чарторыеск" как на удел Константина Ольгердовича[38].

Не ясно, когда именно Константин получил от Ольгерда Чернигов; если предположить, что он сменил здесь Романа Михайловича, то его воскняжение следует отнести к концу 60-х — началу 70-х гг. XIV ст. С известной осторожностью можно также допустить и то, что Константин находился в Чернигове вплоть до своей

29 Ср: *Шабульдо Ф.М.* Указ. соч. С.111.

30 НПЛ. М.;Л., 1950. С.397; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. СПб., 1848. Т.4. С.105; Софийская первая летопись. // ПСРЛ. СПб., 1851. Т.5. С.252; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. СПб., 1859. Т.8. С.75; Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1897. Т.11. С.186.

31 Летописи белорусско-литовские //ПСРЛ. М., 1980. Т.35. С.52, 73.

32 Московский летописный свод конца XV века //ПСРЛ. М.;Л., 1949. Т.25. С.237.

33 *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.100, 150, 169-170.

34 Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т.1. Стб.535; Новгородская четвертая летопись //ПСРЛ. СПб., 1848. Т.4. С.70; Софийская первая летопись // ПСРЛ. СПб. 1851. Т.5. С.234; Рогожский летописец // ПСРЛ. Пг., 1922. Т.15. Вып.1. Стб.112; Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.;Л., 1949. С.191; Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. СПб., 1911. Т.22. Ч.I. С.413.

35 *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С.156, 220-223.

36 Сказания и повести о Куликовской битве... С.34, 58, 89, 112.

37 Там же. С.399. См.: Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Л., 1925. Т.4. Ч.I. Вып.2. С.486.

38 Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. М., 1980. Т.35. С.223; Хроника Быховца // ПСРЛ. М., 1975. Т.32. С.141.

39 *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.171.

40 *Антонович В.Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. Т.1. С.115; *Шабульдо Ф.М.* Указ. соч. С.88-89.

41 *Зотов Р.В.* Указ. соч. С.137-146; *Леонтович Ф.И.* Очерки истории литовско-русского права: Образование территории Литовского государства. СПб., 1894. С.157-158; *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Київ-Львів, 1907. Т.IV. С.8, 452-454; *Андріяшев О.* Нарис історії колонізації Сіверської землі до початку XVI віку // ЗІФВ ВУАН. Київ, 1928. Кн.XX. С.117.

“each with his regiments from his town“[23]; thus, at that time he was not kniaze of Briansk only nominally[24]; correspondingly, Roman was granted Briansk somewhere between 1372 and 1375; as was already stated in Olgerd´s treaty with Dmitriy Ivanovich (1372) there is “kniaze Dmitriy Brianskiy“.

In 1401 Roman Mikhailovich was killed in Smolensk. When informing the grand kniaze of Moscow, Vasiliy Dmitrievich, of his death, in his message Vitovt (as has been handed down to us through a Tver chronicler) calls him “a brother to me and grand kniaze to you, Roman Chernigovskiy[25] — in the same way as he is titled in the Lyubech sinodik — to remember “gr(and) kniaze Roman Mikhailovich Cher(nigovskiy), killed by kniaze Yuriy Smolenskiy[26]. By the tone of these quotations and the story the chronicle gives about the events of 1375, a conclusion can be drawn that Roman Mikhailovich did not belong to the Gediminoviches[27], but was a representative of some local dynasty (probably the Olgoviches); he could have owned Chernigov till the early 1370s: in the treaty of 1372 together with Dmitriy Ivanovich “grand kniaze Roman“ is mentioned. To all appearances, it was Roman Mikhailovich, who by that time was already ousted by Olgerd from Chernigov and was granted support at the court of the grand kniaze of Moscow. Quite possibly, Briansk, drawn into the political struggle between Moscow and Lithuania (in 1370 the Moscow kniaze “was sent to fight with Briansk“[28]) was given to Roman Mikhailovich as a result of an agreement between Dmitriy Ivanovich and Olgerd (here Dmitriy Olgerdovich was transferred from Briansk to Trubchevsk)[29]. It is quite logical then that Roman, who became kniaze of Briansk thanks to the support of Dmitriy Ivanovich, kept to his Moscow orientation which is evidenced by his participation in the “Tver war“ of 1375 and also by the fact that mention was not made about any war conflicts in the Briansk lands in the winter of 1379/80, though the Moscow troops sent against the “Lithuanian towns could hardly have passed it by on their way to Trubchevsk and Starodub“.

To all appearances, Roman Mikhailovich was kniaze of Briansk till his death in 1401. Actually, up till now most investigators have been inclined to believe that in that period Roman, after he had lost Briansk, was only “Vitovt´s namestnik“ in Smolensk. The Novgorod First, the Novgord Fourth, the Sofiyskiy First, the Voskresensk, the Nikonovskiy and other chronicles[30] testify to this. But, in this case, what we can undoubtedly believe is the information in the brief version of the Byelorussian-Lithuanian chronicle which was written in the middle of the 15th c. According to the Slutsk and Suprasl chronicles Roman Mikhailovich was in Smolensk when a rebellion broke out in which he was killed, so were the namestniks (!) of Vitovt and the boyars who rose against Yuriy Svyatoslavich Smolenskiy[31].

After the death of Roman Mikhailovich Yagailo gave Briansk to Svidrigailo who ruled there until he departed from the GKL to serve the grand kniaze of Moscow (1408)[32].

Literature points to the existence of two more kniazes of Briansk of the last third of the 14th c.— Semen and Gleb[33]. As far as Semen is concerned (he was killed in Tver in 1375), we can say that only one source — the Russian chronograph — names him “Semen Brianskiy“; in the Moscow Academic, in the Rogozhsk, in the Novgorod Fourth, in the Sofiyskiy First and in other chronicles he figures as “Semen Ivanovich Dobrynskiy“[34]; to all appearances, he was Konstantin Ivanovich Dobrynskiy´s brother who lived in the second half of the 14th c. and was the founder of a distinguished boyar family[35].

As for “Gleb Brianskiy“, he is mentioned only in the “Story about the Mamaev Carnage“, and in a number of editions he is called “Drucheskiy“ and “Kargopolskiy“[36]. The publishers of this monument voiced a supposition that the name “Gleb“ appeared in the text of the “Story“ as the result of a mistake because Roman Brianskiy is meant here and he was included into one of the revised copies of the Novgorod Fourth chronicle among the other voyevods of the ambush regiment[37], this fact being in full accord with the external policy pursued by this kniaze.

Against the background of the comparatively numerous times that the Briansk kniazes are mentioned, the data on the Chernigov kniazes of the late 14th c. are more than scant. The only definite evidence whom the town belonged to at that period is the mention of “Chernigov and Chartoriysk“ in the Evreinovskiy chronicle (from where it was copied into the Bykhovets chronicle) as being the apanage of Konstantin Olgerdovich[38].

It is not clear just when Konstantin received Chernigov from Olgerd; if we suppose that he took the place of Roman Mikhailovich, then we must give the date of his becoming kniaze there somewhere in the late 1360s-beginning of 1370s. It could be, though we are not certain of it, that Konstantin was in Chernigov till his death which oc-

[29] Cf.:*Shabuldo F.M.* Ibid. P.111.

[30] NPL. M.;L., 1950. P.397; Novgorodskaya chetvertaya letopis // PSRL. St.P-g, 1848. Vol.4. P.105; Sofiyskaya pervaya letopis // PSRL. St.P-g, 1851. Vol.5. P.252; Prodolzheniye letopisi po Voskresenskomy spisku // PSRL. St.P-g, 1859. Vol.8. P.75; Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis // PSRL. St.P-g, 1897. Vol.11. P.186.

[31] Letopisi belorussko-litovskiye // PSRL. M., 1980. Vol.35. P.52, 73.

[32] Moskovskiy letopisniy svod kontsa XV veka // PSRL. M.; L., 1949. Vol.25. P.237.

[33] *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.100, 150, 169-170.

[34] Lavrentievskaya letopis // PSRL. M., 1962. Vol.1. Col.535; Novgorodskaya chetvertaya letopis // PSRL. St.P-g, 1848. Vol.4. P.70; Sofiyskaya pervaya letopis // PSRL. St.P-g, 1851. Vol.5. P.234; Rogozhskiy letopisets // PSRL. Pg., 1922. Vol.15. Ed.1. Col.112; Moskovskiy letopisniy svod kontsa XV veka // PSRL. M.;L., 1949. Vol.25. P.191; Khronograf redaktsii 1512 goda // PSRL. Pg., 1911. Vol.22. Part 1. P.413.

[35] *Zimin A.A.* Formirovaniye boyarskoy aristokratii v Rossii vo vtoroy polovine XV — pervoy treti XVI v. M., 1988. P.156, 220-223.

[36] Skazaniye i povesti o Kulikovskoy bitve... P.34, 58, 89, 112.

[37] Ibid. P.399. See: Novgorodskaya chetvertaya letopis // PSRL. L., 1925. Vol.4. Part 1. Ed.2. P.486.

[38] Letopisi belorussko-litovskiye // PSRL. M., 1980. Vol.35. P.223; Khronika Bykhovtsa // PSRL. M., 1975. Vol.32. P.141.

[39] *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.171.

[40] *Antonovich V.B.* Monografii po istorii Zapadnoy i Yugo-Zapadnoy Rossii. Kiev, 1885, Vol.1. P.115; *Shabuldo F.M.* Ibid. P. 88-89.

[41] *Zotov R.V.* Ibid. P.137-146; *Leontovich F.I.* Ocherki istorii litovsko-russkogo prava: Obrazovaniye territorii Litovskogo gosudarstva. St.P-g, 1894. P.157-158; *Grushevskiy M.S.* Istoria Ukrainy-Rusi. Kiev-Lviv, 1907. Vol.IV. P.68, 452-454; *Andriyashev O.* Naris istorii kolonizatsii Siverskoy zemli do pochatku XVI viku // ZIFV. Kiev, 1928. Book XX. P.117.

на чная библиотека им В. Г. Белинского

смерти, последовавшей, по мнению С. Кучиньского, между 1386 и 1393 гг.[39]

Заметим, что в специальной литературе не раз высказывалось мнение о том, что Константин не был единственным сыном Ольгерда, сидевшим в Чернигове: в качестве черниговских князей назывались также Дмитрий[40] и Дмитрий-Корибут[41]. Основанием для обеих гипотез послужила запись Любецкого синодика, традиционно трактуемая исследователями как понимание "великого князя Дмитрия Черниговского и брата его князя Иоанна, великого князя Иоанна-Скиргалай (искаженно Скиргайла — Е.Р.)"[42]. Однако, как справедливо отметил С. Кучиньський[43], такое прочтение текста синодика, для которого интерпункция оригинала не дает никаких оснований, несомненно, ошибочно: в этом случае объединяются две различные записи — одна, поминающая черниговского князя Дмитрия и его брата Иоанна, и другая, поминающая князя Скиргайла (в крещении Иоанна) Ольгердовича, с 1378 г. владевшего Любечем[44], а в 1395-1396 гг. правившего в Киеве. Показательно, что и характер записи имени "Иоанн" различен в каждом из случаев ("Иωан" — "Иоанн"), что невозможно объяснить исходя из того, что речь идет об одном и том же лице. Таким образом, князь Иоанн не тождественен Иоанну-Скиргайлу, а это автоматически исключает возможность идентификации "Дмитрия Черниговского".

Не исключено, что Дмитрий Черниговский дважды упоминается в тексте Любецкого синодика — и в первый раз как "князь Димитрий Чер[ниговский] убыенный от татар за православную веру", в котором исследователи синодика видят князя Дмитрия Мстиславича, погибшего в битве на Калке в 1223 г.; характерно, что Новгород-Северский и Елецкий синодики в числе братьев этого князя упоминают Иоанна[45].

Соответственно, не случайно ни один из известных источников не именует ни Дмитрия (внесенного, кстати, в синодик как "князь Дмитрий Олгердович"[46]), ни Дмитрия-Корибута черниговским князем.

Уделом последнего в 80-е гг. XIV в. был Новгород-Северский. Наиболее ранние документы, свидетельствующие об этом, относятся к 1386-1387 гг.[47] Однако воскняжение Дмитрия-Корибута в Новгороде-Северском произошло, конечно, раньше, так как, по летописным свидетельствам, уже в 1382 г. Кейстут, узурпировавший власть в ВКЛ, оттеснив от престола Ягайла, на весть об измене Корибута, отказавшего ему в "послушенстве", выступил с войском на Новгород-Северский[48].

Этот период непосредственно отразился на судьбах Литовского государства: воспользовавшись сложившейся ситуацией, Ягайло сумел возвратить себе трон. Возможно, выступление Корибута было лишь частью обширного заговора, имевшего целью реставрацию власти Ягайла[49]; тогда не случайно в 80-е гг. владения Дмитрия-Корибута были расширены за счет земель противника Ягайла — Дмитрия Ольгердовича-старшего: как уже отмечалось, Корибуту был в это время передан Трубчевск.

Этими землями Дмитрий-Корибут владел вплоть до 1393 г., когда в результате конфликта с Витовтом, ставшим после Островского соглашения фактическим правителем Литвы, он лишился своего северского удела[50]; в том же году тот был передан князю Федору Любартовичу в качестве компенсации за его волынскую отчину. Правда, текст присяжной грамоты Федора Любартовича[51] не позволяет определенно судить о масштабах его земельных владений — однако вполне вероятно, что в состав его удела вошли не только Новгород-Северский и Трубчевск, но также и Чернигов, по-видимому, опустевший со смертью Константина Ольгердовича.

Как бы то ни было, представляется очевидным, что воскняжение в Северской земле Федора Любартовича, прилагавшего в 90-е гг. XIV в. немало усилий для возвращения своей отчины, носило формальный характер. Возможно, его интересы здесь представлял кто-нибудь из доверенных лиц[52]. В этом смысле заслуживает внимания князь Иван Любартович, имя которого, по-видимому, не случайно было внесено в Любецкий синодик[53].

Первое упоминание о существовании на Северщине стародубского удела относится к 1388 г.[54] В конце XIV — начале XV в. он известен как владение литовского князя Александра Патрикиевича, титулуемого "Стародубским" в проекте мирного договора между Орденом и Литвой (1398 г.[55]), в присяжной грамоте на верность Ягайлу в случае смерти Витовта (1400 г.)[56] и в летописных сообщениях о событиях 1402-1403 гг.[57]

По-видимому, этот удел был передан в управление Александру Патрикиевичу его отцом — Партрикием Наримунтовичем (Давыдовичем), княжившим в Новгороде в 80-90-е гг. XIV в. и при этом сохранившим за собой Стародуб (в Любецком синодике он упомянут как "князь Патрикий Давидович Стародубский"[58]). Правда, в описании событий 1408 г., отмеченного переходом на службу к великому князю московскому большой группы князей и бояр во главе со Свидригайлом, Патрикий Наримунтович назван "Звенигородским"; рядом с ним среди выходцев из ВКЛ упомянуты князья Александр Звенигородский и Федор Александрович[59].

Исследователи, обращавшиеся к этому эпизоду, как правило, видели в Александре Звенигородском Александра Патрикиевича[60]; при

[42] Ср.: *Зотов Р.В.* Указ. соч. С.28.

[43] *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.186-187.

[44] Грамоти XIV ст. Київ, 1974. С.75. № 40.

[45] *Зотов Р.В.* Указ. соч. С.89-90.

[46] *Зотов Р.В.* Указ. соч. С.28.

[47] Codex epistolaris Vitoldi, magni ducis Lithuaniae. 1376-1430 // MMA. Cracoviae, 1882. T.VI. S.10. № 29; *Daniłowicz I.* Skarbiec dipljmatów. Wilno, 1860. T.1. S.265-266. № 538-540.

[48] Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. М., 1980. Т.35. С.2, 86, 116, 134 и др.

[49] См.: *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.207-209. Ср.: *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV-XV вв.). М., 1975. С.153-156.

[50] Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. М., 1980. Т.35. С.71, 101, 159, 185 и др.

[51] *Розов В.* Указ. соч. С.51. № 27.

[52] Ср. позднейший факт "заведыванья" землями // АЗР. Т.2. С.100. № 76 (1512 г.).

[53] *Зотов Р.В.* Указ. соч. С.29; *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.189. Ср.: *Шабульдо Ф.М.* Указ. соч. С.62-64.

[54] *Piekosiński F.* Rachunki dworu kraóla Wledyslawa Jegielly i królowej Jedwigi z lat 1388 do 1420 // MMA. Cracoviae, 1896. T.XV. S.76.

[55] *Daniłowicz I.* Op. cit. T.I. S.315. № 695.

[56] *Розов В.* Указ. соч. С.61-62. № 34.

[57] Софийская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1851. Т.5. С.252; Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.;Л., 1949. Т.25. С.231-232; Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. М., 1980. Т.35. С.52.

[58] *Зотов Р.В.* Указ. соч. С.28.

[59] Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.;Л., 1949. Т.25. С.237.

[60] *Зотов Р.В.* Указ. соч. С.127; *Грушевський М.С.* Указ. соч. С.455; *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.178-179.

curred, if we are to believe S. Kuczynski, somewhere between 1386 and 1393[39].

Here we must make a note of the fact that the opinion that Konstantin was not the only son of Olgerd who sat in Chernigov was voiced more than once in special literature: Dmitriy[40] and Dmitriy-Koribut[41] were considered to be Chernigov kniazes. These two hypotheses are grounded on the entry in the Lyubech sinodik which traditionally is treated by investigators as remembrance of "the grand kniaze Dmitriy Chernigovskiy and his brother kniaze Ioann, the grand kniaze Ioann-Skirgalai (distorted form of Skirgailo — E.R.)"[42]. However, as S. Kuczynski[43] aptly remarked, such a reading of the text of a sinodik, where the punctuation marks of the original do not lead us to any definite conclusions, is erroneous: in this case two different entries are read as one, though, actually, in the first case we have a remembrance of kniaze Dmitriy and his brother Ioann, and in the second, kniaxe Skirgailo (christened as Ioann) Olgerdovich, who possessed Lyubech[44], and who, in 1395-1396 ruled in Kiev. To note, the spelling is different in the entries ("Iwan" — "Ioann"), a fact no explanation to which can be found, unless we have two different persons mentioned here. Thus, kniaze Ioann is not Ioann-Skirgailo, and this automatically excludes the possibility of identifying "Dmitriy Chernigovskiy".

Possibly Dmitriy Chernigovskiy is mentioned twice in the text of the Lyubech sinodik — first as "kniaze Dmitriy Cher[nigovskiy] killed by the Tatars for his Orthodox faith". Investigators of the sinodik are inclined to see in this person kniaze Dmitriy Mstislavich, the one who was killed in the battle on the Kalka in 1223, though the sinodiks of Novgorod-Severskiy and Yelets mention Ioann among the brothers of this kniaze[45]

Correspondingly, it is not accidental that not one of the known sources call either Dmitriy (by the way, entered into the sinodik as "kniaze Dmitriy Olgerdovich"[46]) or Dmitriy-Koribut kniaze of Chernigov.

In the 1380s Novgorod-Severskiy was the apanage of the latter. The earliest documents to prove this belong to the years 1386-1387[47]. However, Dmitriy-Koribut became kniaze of Novgorod-Severskiy earlier, because the chronicles state that, in 1382, Keystut, who usurped power over the GKL and dethroned Yagailo, on hearing of Koribut's betrayal and refusal to "obey", undertook a campaign against Novgorod-Severskiy[48].

This campaign had its consequences for the Lithuanian state: taking advantage of the situation, Yagailo managed to take power back into his hands. It could be that Koribut's betrayal was part of an extensive plot, the objective of which was to put Yagailo back on the throne[49]; then it is not accidental that in the 1380s Dmitriy-Koribut's possessions were extended to include the lands of Yagailo's adversary — Dmitriy Olgerdovich senior: as was already said, Trubchevsk was handed over to Koribut at that time.

These lands belonged to Dmitriy-Koribut up till 1393 when, as the result of a conflict with Vitovt, who virtually became ruler of Lithuania after the Ostrov treaty, he lost his Seversk apanage[50]; in the same year this apanage was handed over to kniaze Fedor Lubartovich as compensation for his Volynie allod. The text of the allegiance deed of Fyodor Lubartovich[51], however, does not point to the exact size of his land possessions, but it is quite possible that not only Novgorod-Severskiy and Trubchevsk were included into his apanage, but also Chernigov which, seemingly, lost its ruler with the death of Konstantin Olgerdovich.

It seems obvious, though, that even if Fyodor Lubartovich did become kniaze on the Seversk lands, and in the 1390s he put much effort into restoring his allod, this power was only nominal. Quite possibly, his interests here were represented by proxy[52]. Here we can make note of the name of Ivan Lubartovich, it being not accidental that he was entered into the Lyubech sinodik[53].

The first mention of a Starodub apanage on the Seversk lands is dated 1388[54]. In the late 14th-early 15th cc. we know of it as the possession of the Lithuanian kniaze Alexander Patrikievich who bore the title "Starodubskiy" in the draft of the peace treaty between the Order and Lithuania (1398)[55],also in the oath of allegiance deed to Yagailo in case of Vitovt's death (1400)[56] and in the events of 1402-1403 described in the chronicles[57].

Quite possibly, this apanage was given to Alexander Patrikievich by his father, Patrikiy Narimuntovich (Davidovich), who was kniaze in Novgorod in the 1380s-1390s, while managing to remain kniaze in Starodub as well (in the Lyubetsk sinodik he is mentoned as "kniaze Patrikiy Davidovich Starodubskiy"[58]). However, in the description of the events of 1408 when a large group of kniazes and boyars headed by Svidrigailo went over to serve the grand kniaze of Moscow, Patrikiy Narimuntovich is called "Zvenigorodskiy"; alongside, among those that came from the GKL, we find the names of kniazes Alexander Zvenigorodskiy and Fyodor Alexandrovich[59].

As a rule, those investigators that analysed this episode were inclined to think that Alexander Zvenigorodskiy was Alexander Patrikievich[60]; here

42 Cf.: *Zotov R.V.* Ibid. P.28.

43 *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.186-187.

44 Gramoty XIV st. Kiev, 1974. P.75. No.40.

45 *Zotov R.V.* Ibid. P.89-90.

46 *Zotov R.V.* Ibid. P.28.

47 Codex epistolaris Vitoldi, magni ducis Lithuaniae. 1376-1430 // MMA. Cracoviae, 1882. T.VI. S.10. No.29.; *Danićowicz I.* Skarbiec diplomatów. Wilno, 1860. T.I. S.265-266. No.538-540.

48 Letopisi belorussko-litovskiye // PSRL. M., 1980. Vol.35. P.62, 86, 116, 134 et al.

49 See: *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.207-209. Cf.: *Grekov I.B.* Vostochnaya Evropa i upadok Zolotoy Ordy (na rubezhe XIV-XV vv.). M., 1975. P.153-156.

50 Letopisi belorussko-litovskiye // PSRL. M., 1980. Vol.35. P.71, 101, 159, 185 et al.

51 *Rozov V.* Ibid. P.51. No.27.

52 Cf.: later cases of "ruling" lands: AZR. Vol.2. P.100. No.76. (1512)

53 *Zotov R.V.* Ibid. P.29; *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.189. Cf.: *Shabuldo F.M.* Ibid. P.62-64.

54 *Piekosiński F.* Rachunki dworu króla Wladyslawa Jagielly i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1420 // MMA. Cracoviae, 1896. T.XV. P.76.

55 *Danićowicz I.* Op. cit. T.I. S.315. No.695.

56 *Rozov V.* Ibid. P.61-62. No.34.

57 Sofiyskaya pervaya letopis // PSRL. St. P-g, 1851. Vol.5. P.252; Moskovskiy letopisniy svod kontsa XV veka // PSRL. M.;L., 1949. Vol.25. P.231-232; Letopisi belorussko-litovskiye // PSRL. M., 1980. Vol.35. P.52.

58 *Zotov R.V.* Ibid. P.28.

59 Moskovskiy letopisniy svod kontsa XV veka // PSRL. M.;L., 1949. Vol.25. P.237.

60 *Zotov R.V.* Ibid. P.127; Grushevskiy M.S. Ibid. P.455; *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.178-179.

этом выдвигался ряд предположений относительно того, когда и в силу каких обстоятельств за Патрикием Наримунтовичем и Александром Патрикиевичем мог закрепиться титул "Звенигородские".

Анализируя этот вопрос, необходимо отметить следующее:

— Патрикий Наримунтович не именуется "Звенигородским" ни в одном из известных источников. В указанном летописном фрагменте он, очевидно, назван так ошибочно. По-видимому, в это время он по-прежнему сохранял за собой Стародуб, на что указывает присутствие стародубских бояр в числе спутников Свидригайла.

— Не ясно, находился ли среди сыновей Патрикия Наримунтовича, выехавших вместе с ним из ВКЛ и давших начало ряду аристократических фамилий (Голицыным, Куракиным, Хованским и др.), Александр Патрикиевич. Последние документальные упоминания об этом князе относятся к 1406-1407 гг., когда по подозрению в измене "Александр из Стародуба" был схвачен по приказу Витовта[61]. По мнению Й. Вольфа, после освобождения, в 1407 г., он получил во владение Корец на Волыни[62]; во всяком случае, в родословиях Александр Патрикиевич значится как родоначальник князей Корецких[63]. Совершенно очевидно, что он не идентичен хорошо известному по родословным книгам князю Александру Федоровичу Звенигородскому, потомку Михаила Черниговского, выехавшему в 1408 г. в Москву вместе со Свидригайлом. В числе его сыновей в родословиях упоминается Федор; оба князя внесены в Любецкий синодик с титулом "Звенигородские"[64].

Таким образом, очевидно, что владением Наримунтовичей вплоть до 1408 г. оставался Стародуб.

С. Кучиньский полагал, что в начале XV ст. уделом Александра Патрикиевича был Чернигов[65]. Основанием для гипотезы послужила жалованная грамота великого князя литовского Александра князю Ивану Глинскому на "данника в Черниговском повете, на имя Бутовича, и селцо Смолино, а на том дей селцы князь Александр посадил был люд волный прихожый, на того ж Бутовича земли"[66]. Однако упомянутый в грамоте "князь Александр", принятый С. Кучинским, вслед за издателями Литовской метрики[67], за Александра Патрикиевича, был никто иной, как черниговский наместник Александр Чарторыйский, — что явствует из жалованной грамоты Александра князю Семену Ивановичу Можайскому (1496 г.), в которой, в частности, говорится "тых, что дали были есмо князю Ивану Борисовичу Глинскому, даньники и люди, што князь Александро Чорторыйский садил, и тых пану маршалку Литавору дали есмо, и пустовщину там в Черниговском повете — тые даньники и люди и тую пустовщину ему ж (Семену Ивановичу Можайскому — *Е.Р.*) есмо дали"[68].

Правда, в версии "Повести о побоище Витовта с Темир-Кутлуем", сохранившейся в составе Новгородской четвертой летописи, один из сыновей Патрикия Наримунтовича, Федор Патрикиевич, упомянут среди убитых в битве на Ворскле как "князь Рыльский"[69]; однако, анализируя это известие, следует отметить два существенных момента: 1) в Софийской первой летописи, восходящей к тому же протографу, что и Новгородская четвертая, Федор Петрикиевич назван князем "Волыньскым"[70]; 2) факт гибели данного князя в 1399 г. недостоверен: известно, что в 1408 г. Федор Патрикиевич вместе с Патрикием Наримунтовичем выехал из ВКЛ, а в 1420 г. княжил в Новгороде[71].

Нельзя, тем не менее, полностью исключить возможность существования в конце XIV в. рыльского удела; в частности, им мог владеть Вигунт Ольгердович, который, по словам Стрыйковского, "тоже имел удел на некоторых замках Северских, а в Литве к тому Кернов держал"[72].

Другой центр Посеймья, Путивль, в 60-90-е гг. XIV в. находился в составе киевского удела Владимира Ольгердовича — как о том, при отсутствии непосредственных указаний синхронных источников, позволяют судить акты второй половины XV в.; в этот период Путивлем на правах родового владения — "отчины" — распоряжались Олелько Владимирович и Семен Олелькович[73].

Существует и письменная традиция, согласно которой наместником Владимира Ольгердовича в Путивле был уроженец Киевщины Каленик Мишкович[74].

В 90-х гг. XIV ст. на Путивльщине известен князь тюркского происхождения — "Сараев сын Егалтай", владения которого включали Милолюбль, Мужеч, Оскол[75]. "Егалтаева тьма" как вотчина потомков князя Яголдая просуществовала вплоть до 90-х гг. XV ст.[76] К менее значительным татарским феодалам следует, очевидно, отнести Урустая, владевшего путивльской Мленской (Меленской) волостью, ошибочно упомянутого в известии о выезде из ВКЛ в 1408 г. как "князь Меньскыи"[77]; предлагаемая конъектура согласуется как с отсутствием упоминаний о городе Мене в XIV-XV вв., так и с информацией о выезде одного из спутников Свидригайла (в тексте — верховского князя Александра Звенигородского) "ис Путимля".

Таким образом, даже скупые упоминания о северских князьях второй половины XIV в. обладают значительным информационным резервом, использование которого позволяет решить ряд вопросов, относящихся к инкорпорации Северщины в Великое княжество Литовское, эволюции политико-административного устройства региона в указанный период, литовско-ордынским и литовско-московским отношениям.

61 Codex epistolaris Vitoldi, magni ducis Lithuaniae. 1376-1430 // MMA. Cracoviae, 1882. T.VI. S.136-137. № 352; S.150. № 369.

62 *Wolff I.* Kniaziwio litewsko-ruscy od konca XIV w. Warszawa, 1895. S.172.

63 ВОИДР. Кн.Х. С.80-81, 136-137; Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. СПб., 1859. Т.8. С.254, 255. См. также: *Де-Витте Е.И.* Древний помяник Киево-Михайловского Златоверхого монастыря // ЧИОНЛ, 1912. Кн.22. Вып.3. С.40-41.

64 ВОИДР. Кн.Х. С.68-69, 155-156, 243-244; *Зотов Р.В.* Указ. соч. С.28-29; Ср.: *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С.39-41.

65 *Kuczyński S.M.* Op. cit. S.158, 188 .

66 РИБ. СПб., 1910. Т.27. Стб.648-649.

67 РИБ. СПб., 1910. Т.27. Приложения. С.46.

68 АЗР. СПБ, 1846. Т.1. С.163. № 139.

69 Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. СПб., 1848. Т.4. С.104.

70 Софийская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1851. Т.5. С.251.

71 НПЛ. М.;Л., 1950. С.413. Возможно, после выезда в Москву князя Федора Патрикиевича "Волынского" Александр Патрикиевич получил от Витовта владения брата — волынский Корец.

72 *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Cz.2. S.58.

73 РИБ. СПб., 1910. Т.27. Стб.399, 731-733.

74 *Kojałowicz W.* Herbarz rycerstwa W. Ks. Litewskiego / Wyd. *F.Piekosiński.* Kraków, 1897. S.138.

75 АЗР. СПб., 1848. Т.2. С.5. № 6; *Петрунь Ф.* Указ. соч. С.177-178; *Kuczyński S.M.* Jaholdaj i Jaholsajewicze siewierscy // Miesięcznik heraldyczny. 1934. R.13. S.33-35.

76 Акты Литовской метрики. Варшава, 1896. Т.1. Вып.1 С.131-132. № 339.

77 Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. М.;Л., 1949. Т.25 С.237.

they put forth a whole row of suppositions as to when and under what circumstances both Patrikiy Narimuntovich and Alexander Patrikievich were titled “Zvenigorodskiy“.

While examining this question, we would like to make note of the following:

Patrikiy Narimuntovich is not called “Zvenigorodskiy“ in any of the known sources. In the abovementioned fragment of the chronicle, to all appearances, he is called so by mistake. He seems to have still been maintaining power over Starodub, evidence of this being the fact that there were Starodub boyars among those accompanying Svidrigailo.

It is not clear whether Alexander Patrikievich was among those sons of Patrikiy Narimuntovich who left the GKL together with him and from whom several aristocratic families are descended (the Golitsins, the Kurakins, the Khovanskiys et al.). The last documental evidence of this belongs to 1406-1407 when, being suspected of treason, “Alexander from Starodub“ was arrested on the order of Vitovt[61]. J. Wolff thinks that after being freed in 1407, he was granted Korets on the Volynie[62]; in any case, in genealogies Alexander Patrikievich is given as the forebear of the kniazes Koretskiy[63]. It is quite obvious that he is not the same person as the well-known from genealogical books kniaze Alexander Fyodorovich Zvenigorodskiy, the descendant of Mikhail Chernigovskiy, who left for Moscow in 1408 together with Svidrigailo. In the genealogies a certain Fyodor is mentioned among his sons; both kniazes were entered into the Lyubetsk sinodik with the title “Zvenigorodskiy“[64].

Thus, it is clear that Starodub remained in the possession of the Gediminoviches till 1408.

S.Kuczynski believes that in the early 15th c. Alexander Patrikievich’s apanage was Chernigov[65]. This hypothesis is grounded on the fact that the letters patent of grand kniaze of Lithuania Alexander to Ivan Glinskiy on "granting him in the Chernigov province, in the name of Butovich, the village Smolino, where kniaze Alexander could settle free people, newcomers, on those lands of Butovich"[66]. However, the "kniaze Alexander" mentioned in the letters patent, whom S. Kuczynski mistook for Alexander Patrikievich (as did the Lithuanian Metrika)[67] was no other than the Chernigov namestnik Alexander Chartoriyskiy, as becomes clear from the letters patent of Alexander to kniaze Semen Ivanovich Mozhaiskiy (1496), in which it is said: "those that were given to kniaze Ivan Borisovich Glinskiy, both serfs and free people, that Alexander Chartoriyskiy settled there, and those that were given to magnate marshal Litavor, and the territories not populated in the Chernigov province and those serfs and the free people and the unpopulated territories were given also to him (Semen Ivanovich Mozhaiskiy — *E.R.*)[68].

However, the version of “Povest o poboishche Vitovta s Temur-Kutluyem“ (Story about the battle between Vitovt and Temur-Kutluy), that is in the Novgorod Fourth chronicle, states that one of the sons of Patrikiy Narimuntovich, Fyodor Patrikievich, was mentioned among those killed in battle on the Vorskla as “kniaze Rylskiy“[69]; however, on analysing this fact we discover two very important points: 1)in the Sofiyskiy First chronicle that has the same protograph as the Novgorod Fourth for its original, Fyodor Patrikievich is named kniaze “Volynskiy“[70]; 2)it is doubtful whether he was killed in 1399: in 1408 Fyodor Patrikievich left the GKL together with Patrikiy Narimuntovich, and in 1420 he was kniaze of Novgorod[71].

The possibility that a Rylskiy apanage existed in the late 14th c. cannot be excluded altogether; it could have belonged to Vigunt Olgerdovich who, as Stryjkowski says, “had an apanage on some castles of the Seversk lands, and in Lithuania he held Kernov“[72].

Another centre along the river Seim, Putivl, in the 1360s-1390s was included into the Kiev apanage of Vladimir Olgerdovich, of which fact we learn from acts of the second half of the 15th c., synchronic sources pointing directly to this are absent. In this period Olelko Vladimirovich and Semen Olelkovich ruled Putivl as their ancestral possession, or allod[73].

There is also a written tradition according to which Vladimir Olgerdovich´s namestnik in Putivl was Kalenik Mishkovich born in the lands of Kiev[74].

In the 1390s on the Putivl lands there was a kniaze of Turkic origin — “Saraev son Egaltai“, whose possessions included Milolyubl, Muzhech, Oskol[75]. “Egaltaeva tma“ as the allod of the descendants of kniaze Yagolday existed up to the 1490s[76]. Of lesser importance among the Tatar feudals was Urustai, who owned the Mlenskiy (Melenskiy) volost on the lands of Putivl. This feudal was erroneously named “kniaze Menskiy“[77] when mentioned among those who left the GKL in 1408. What we have said above is in full accord both with the fact that Men is not mentioned in any source of the 14th-15th cc. and with the information concerning the departure of one of those who accompanied Svidrigailo (“supreme kniaze Alexander Zvenigorodskiy“ — in the text) “from Putivl“.

Thus, even the scant information we have on the Seversk kniazes of the second half of the 14th c. contains a considerable amount of informational reserve, the use of which makes it possible to solve a number of questions pertaining to the incorporation of the Seversk lands into the Grand Kniazdom of Lithuania , to the evolution of the political and administrative structure of the region in that period and to the relations between Lithuania and the Orda and Lithuania and Moscow.

61 Codex epistolaris Vitoldi, magni ducis Lithuaniae. 1376-1430 // MMA. Cracoviae, 1882. T.VI. S.136-137. No.352; S.150. No.369.

62 *Wolff I.* Kniaziowie litewsko-ruscy od konca XIV w. Warszawa, 1895. S.172.

63 VOIDR. Book X. P.80-81, 136-137; Letopis po Voskresenskomu spisku // PSRL. St. P-g, 1859. Vol.8. P.254, 255. See also: *De-Vitte E.I.* Drevniy pomyanik Kievo-Mikhailovskogo Zlatoverkhogo monastyrya // ChIONL. 1912. Book 22. Ed.3. P.40-41.

64 VOIDR. Book X. P.68-69, 155-156, 243-244; *Zotov R.V.* Ibid. P.28, 29. Cf.: *Bychkova M.E.* Sostav klassa feodalov Rossii v XVI v. Istoriko-genealogicheskoye issledovaniye. M., 1986. P.39-41.

65 *Kuczyński S.M.* Op. cit. 158, 188.

66 RIB. St.P-g, 1910. Vol.27. Col.648-649.

67 RIB. St.P-g, 1910. Vol.27. Supplement. P.46

68 AZR. St.P-g, 1846, Vol.1. P.163. No.139.

69 Novgorodskaya chetvertaya letopis // PSRL. St. P-g, 1848. Vol.4. P.104.

70 Sofiyskaya pervaya letopis // PSRL. St. P-g, 1851. Vol.5. P.251.

71 NPL. M.;L., 1950. P.413. It could be that after kniaze Fyodor Patrikievich “Volynskiy“ had left for Moscow Alexander Patrikievich received the possessions of his brother — Korets of Volynie — from Vitovt.

72 *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa. 1846. Cz.2. S.58.

73 RIB. St. P-g, 1910. Vol.27. Col.399, 731-733.

74 *Kojaćowicz W.* Herbarz rycerstwa W. Ks. Litewskiego / Wyd. *F. Piekosiński.* Kraków, 1897. S.138.

75 AZR. Vol.2. P.5. No.6.; *Petrun F.* Ibid. P.177-178; *Kuczyński S.M.* Jaholdaj i Jaholdajewicze siewierscy // Miesię PŚŃŃDcznik heraldyczny. ŁŞĄĘ. R.ŁĄ. S.ĄĄk ĄŃ.

76 Akty Litovskoy metriki. Warsaw, 1896. Vol.1. Ed.1. P.131-132. No.339.

77 Moskovskiy letopisniy svod kontsa XV veka PSRL. M.;L., 1949. Vol.25. P.237.